

DOI: 10.24412/2308-8079-2021-3-2

УДК 271.2:2-722(470.2)

**ЦЕРКОВНЫЕ СТАРОСТЫ:
КРУГ ЗАБОТ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные направления деятельности церковных старост. Выявлено, что законодательные нормы предусматривали для них широкий круг обязанностей, связанных с надзором за сбором подаяний для нужд приходской церкви, контролем над сохранностью церковных сумм, упорядочением их расходования. Церковные старосты выступали в роли посредника между мирянами, с одной стороны, и духовенством, включая органы церковного управления разного уровня, – с другой. Основной тенденцией в законодательной регламентации деятельности старост стало постепенное наращивание полномочий приходского духовенства в вопросах распоряжения церковным имуществом.

Ключевые слова: Православие, духовенство, церковные старосты, клир, законодательство.

**CHURCHWARDENS: A CIRCLE OF CARE
AND RESPONSIBILITY IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article discusses the main directions of churchwardens' activity. It was revealed that the legislative norms provided for them a wide range of responsibilities related to control over the collection of alms for the parish church needs, control over the preservation of church funds, and streamlining their spending. Churchwardens acted as an intermediary between the laity on one hand, and the clergy, including church governing bodies of different levels, on the other. The main trend in the

legislative regulation of the wardens' activities was the gradual increase in the powers of the parish clergy in matters of church property disposal.

Keywords: Orthodoxy, priesthood, churchwardens, clergy, legislation.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Рассмотрение вопросов благосостояния храмов невозможно без изучения круга обязанностей церковного старосты. Он являлся посредником в материальных вопросах между приходской общиной и клиром [12, с. 127-137; 34, с. 307-317]. Иногда церковные старосты из числа местных богачей пытались получить полную власть над причтом, особенно над молодыми священнослужителями [33, с. 33]. Они могли опереться не столько на букву закона, сколько на традицию, закреплявшую за ними серьезные полномочия. «Институт церковных старост, – пишет Н.Д. Зольникова, – хорошо известен и ранее XVIII в., хотя и не имел повсеместного распространения. Так он существовал в XVII в. на Русском Севере, но в начале XVIII в. церковных старост имели не все московские церкви» [4, с. 96]. Обязательным избрание церковного старосты стало с 1718 г. Петровский указ требовал: «церквам иметь старост» [7, с. 545]. На них возлагалась забота о строительстве домов для священников. Новый указ, посвященный церковным старостам, датирован 1721 г. и предписывал им контролировать расход средств, поступавших от «свечной продажи». Старосты должны были иметь документы, подтверждавшие факт избрания на должность – «выборы» от прихожан [8, с. 362]. Указ 1736 г. подтверждал прежние распоряжения и ставил старост под контроль клира в расходовании денег из церковной казны. Требовалось «учредить при каждой

церкви особливые шнуровые книги и по листам скреплять всем кояждо церкви священнослужителям своими руками» [2, с. 8-9].

Практическое воплощение распоряжений прослеживается и по материалам Олонецкой епархии. Прихожане Ольховской волости Каргопольского уезда церкви Преображения Господня совместно с клиром избрали в церковные старосты, как видно из «выбора», одного из прихожан, Михаила Афанасьева, «на сей (1778 – М.П.) год для збору приходу денежной казны и прочаго» [20, л. 1]. Как показывает анализ документа, «выборы» церковных старост в общих чертах воспроизводят формуляр «выборов» священно- и церковнослужителей, но без свидетельств о достоинствах кандидата. Олонецкая духовная консистория в XVIII – начале XIX вв. рассматривала избрание и смену церковных старост как прерогативу «приходских людей», ограничиваясь утверждением представленных крестьянами кандидатур. В 1801 г. через Пудожское духовное правление прихожанам одноименного погоста был объявлен указ консистории, согласно которому разрешалось, «буде они в церковном их прикащике Федоре Анисимове в собрании от доброхотнодателей для церкви казны и в хранении оной какое-либо имеют сомнительство, то могут они к прекращению всякой неудобности ево сменить». Затем прихожанам следовало «по воли своей на место ево избрать в таковое звание другого из собратий своих беспорочного и заслуживающего в том вероятия человека» [37, л. 5].

Старосты совместно с причтом следили за состоянием церковного имущества, заботились о приобретении для церковных потребностей вина и муки для просфор. Круг обязанностей церковного старосты регламентировался законодательством довольно приблизительно. Нет никаких оснований предполагать, что функции старосты выходили за рамки контроля над поступлением и расходом церковных сумм и сохранностью разнообразного имущества, находящегося в храме. Во всяком случае, упоминаний о церковном старосте, являющемся одновременно приходским поверенным или выполняющем обязанности сельского старосты, нами

обнаружено. Позиция местной духовной власти в вопросе о взаимоотношениях между священно- и церковнослужителями, с одной стороны, и церковным старостой (а фактически «приходскими людьми») – с другой, видна из ряда документов. Епископ Олонецкий и Каргопольский Иоанникий в 1774 г., наставляя священника в сложном и запутанном вопросе о взаимоотношениях с церковным старостой, писал в резолюции: «тебе, священнику с прихожанами, выбрать у себя из мирских людей колико есть пристойно и велеть тем выборным по прежним описным книгам святую церковь и в ней святые иконы и всякую церковную утварь, и казну, и письменные всякие крепости, и все, что при той церкви есть наличное, пересмотря, отвести за показанных церковных прикащиков Махилева и Шадрина с роспискою» [32, л. 1].

Даже в экстремальных случаях, когда, например, по недосмотру церковного старосты в 1796 г. оказалось «покрадено» церковное имущество, епископ, отвечая на провокационный вопрос о пересмотре полномочий церковного старосты, подчеркивал, что прежний порядок должен оставаться неизменным. Украденные вещи, говорилось в указе Олонецкой духовной консистории, хранились в амбаре под присмотром церковного «прикащика». Так и должно быть всегда. «Вещи, кроме алтарных и непосредственно в служение употребляемых, должны быть в смотрении прихожан или у поверенного их церковного прикащика. Священников же в хранении тех наружных вещей обязывать не можно, особливо ежели они доверенности от прихожан не имеют» [36, л. 5].

Другим доказательством изложенной точки зрения является своеобразный случай, связанный с попыткой священника единолично распорядиться приходской казной и найти поддержку своего радикального начинания в консистории. Как видно из прошения, священник Нигижемского прихода Иван Петров в 1795 г. потратил сорок рублей на «исходатайствование церковной земли», т.е. на судебные тяжбы с прихожанами по имущественным вопросам. Вскоре он обратился в консисторию с просьбой разрешить компенсацию понесенных затрат из приходской казны. Консистория, как

явствует из ее указа, в очередной раз подтвердила, что «без согласия прихожан толикой суммы взять не можно» [21, л. 8]. В течение всего XVIII в. консистория твердо отстаивала права прихожан. Судя по журналам Олонецкой духовной консистории за 1791 г., ее позиция в отношении священника, пытавшегося взять под свой контроль имущество приходской церкви, оказалась однозначной. Консистория недвусмысленно указывала: «прихожане имущество кому рассудят, поверить вольны». Священника вызвали в духовное управление, где ему доходчиво объяснили, что он должен «непрерывно то имущество по описи здать» [3, л. 32].

Обратная тенденция – попытки поставить церковного старосту под контроль клира – в XVIII в. проявлялась слабо. Речь идет лишь об участии духовенства в контроле над приходскими суммами. В промемории, разъясняя свою позицию Петрозаводскому городскому магистрату, претендовавшему на право контроля в церковных делах, консистория следующим образом излагала порядок учета церковной казны. В церквях следовало устроить «в приличном месте ящики», в которые и высыпать после литургии «доброхотное подаяние». Накопленную церковную казну следовало «содержать в твердости за замком и печатями священнослужительскою и церковного старосты». По окончании каждого месяца ее надлежало «ис тех ящиков при священниках с причетники и при знатных приходских людях высыпав считать». Обнаруженные деньги, «колико в ящике явится, то записывать в учиненные на то книги имянно без всякой утайки». За собой консистория оставляла право надзора за тем, «дабы везде по оному чинено было» [17, л. 1]. Такой подход отразился и на конкретных распоряжениях местной духовной власти. В 1780 г. епископ направил в Ладвинский приход Петрозаводского уезда указ, в котором предписывал «возобновить и исправить церковные ветхости» за счет средств, хранящихся у церковного старосты Еремеева. Церковные «зборы» должны находиться «под присмотром у старосты церковного, человека благонадежного, под смотрением той церкви священника, с надлежащей о приходе и расходе запискою» [35, л. 228].

Местные органы церковного управления предоставляли «приходским людям» значительные права в распоряжении церковным имуществом. Основным аргументом в тех случаях, когда объяснения присутствуют, служил тот факт, что у прихожан не было «доверенности» к священно- и церковнослужителям. На первый взгляд такое объяснение правдоподобно. Согласиться с ним позволяют материалы судебных дел. Священник Ефим Иванов в 1778 г. на допросе в Олонецкой духовной консистории, как видно из протокола, заявил: «Дьячки Иванов и Флоров буйством своим и непорядком книги церковные все изорвали, чинят церкви немалой ущерб» [22, л. 25]. Список подобного рода дел можно продолжить. Преступность среди представителей духовного сословия в России и в XIX в. оставалась заметной. В числе преступников, сосланных в середине XIX в. в Сибирь, процент осужденных за похищение церковных предметов из числа духовенства оказался в 22 раза больше, чем из других сословий [14, с. 97]. Но все же остается сомнение: ведь резолюции и указы о праве прихожан контролировать имущество церкви поступали и в те приходы, духовенство которых не было замечено в хищении приходской собственности. Нет ответа и в научной литературе. Авторы современных исследований акцентируют внимание на процессе утраты прихожанами права контроля над церковной казной. А.В. Камкин пишет: «под воздействием энергичных усилий северно-русских архиереев круг их (церковных старост. – М.П.) полномочий был ограничен ведением храмового хозяйства под началом и контролем приходского священника» [10, с. 26].

Объяснение приверженности олонецких архиереев традициям приходского самоуправления состоит в следующем. Как и при строительстве церквей, епископ вынужден был признать, что не располагал возможностями для административного нажима на прихожан. Во имя создания «благолепия» в храмах архиерей соглашался с традиционными воззрениями мирян на церковное имущество как на их собственность. И не епископ, а прихожане в XVIII в. могли предоставить священно- и церковнослужителям возможность

контроля над церковным имуществом. Свидетельства по данному вопросу разноречивы. Известны дела, из которых следует, что надзор над церковным имуществом осуществлял священник. В 1776 г. в церкви во имя Николая Чудотворца в Линдозерском погосте, как видно из рапорта прихожан, «учинилось грабительство». Вор был задержан, связан и «при собрании лутчих крестьян» начался «по всей справедливости допрос». После получения известий о происшествии нижняя расправа (уездное судебное учреждение) потребовала вскрыть хранящийся в приходском храме «казенный ящик» и пересчитать деньги. Крестьяне отказались выполнить это недвусмысленное распоряжение. В новом рапорте говорилось: «без священника церковной денежной казны не ведаем» [25, л. 1]. Сам батюшка в тот момент отсутствовал.

Ценные свидетельства о надзоре за расходом церковных денег содержатся в «книгах для записки церковной денежной казны». В Яндомозерском приходе священник и причетники каждый месяц расписывались в особой книге, подтверждая, что «записка чинена верно» [30, л. 13]. Надзор не везде оставался столь же регулярным. Из источников явствует, что чаще всего церковный староста оставлял за собой доступ к казне приходского храма, а за священнослужителями – лишь в здание церкви, что достигалось при помощи незатейливой хитрости: ключи от «казенного ящика» хранились у церковного старосты, а от самого храма – у духовенства. О таком порядке свидетельствуют дела, возбужденные в связи с ограблением церкви. При их расследовании неизбежно вставал вопрос о местонахождении ключей. Если староста намеревался открыть «казенный ящик», то прежде он поневоле обращался к священнику, без которого не мог попасть в церковь. Но и священник не мог в любое время открыть обитый железом «казенный ящик»: ключи находились у церковного старосты. Таким образом, обе стороны – церковный староста и клир – взаимно контролировали друг друга.

В некоторых приходах священник перед началом богослужения посылал пономаря к церковному старосте «для взятия из сундука ключей, где хранится церковный круг книг, для вынута из него Октоиха». В случае ссоры прихожан

со священником или причетниками ограничение доступа последних к церковному имуществу становилось еще более жестким. Характерна ситуация, изложенная в прошении дьячка Афанасия Иванова, поступившем в Олонецкую духовную консисторию в 1781 г. Дьячок настойчиво «призывал» своих прихожан на обязательную исповедь. В итоге крестьяне возненавидели его. Они «имевшиеся при той церкви по левую сторону царских врат на местном Богородичном образе повесы серебряные, крест, серьги, цепочки в немалом числе отобрали и отдали новому выбранному ими казначею» [19, л. 65].

Инструкция церковным старостам 1808 г. предельно подробно объясняла круг их обязанностей. Церковных старост следовало избирать из числа «прихожан добрых и всякого вероятия достойных», при обязательном утверждении кандидатур епархиальным преосвященным. Их обязанностью стало «стараться соединить братскою любовью всех соприхожан всех сословий», заботиться о качестве продаваемых в храмах свечей, склонять прихожан к пожертвованиям и вести учет церковной казны, записывая данные об остатках сумм в шнуровую книгу. На него «возлагаются покупки нужных для церкви вещей», «присмотр за домами, устроенными церковным иждивением». Контроль над расходованием «кошельковых сумм» осуществлялся при участии епархиального руководства, у которого следовало «испрашивать разрешения» на приобретение чего-либо для церкви. «Во избежание нареканий» старостам надлежало производить счет церковных денежных сумм в присутствии «почтеннейших прихожан». Старостам следовало заботиться о том, чтобы «в церкви всегда было достаточное количество венчиков и листов разрешительной молитвы». В случае хищения денег из церковной казны надлежало обратиться в полицию, а между тем «следует удержать в таком виде все беспорядки и взломы, какие сделаны похитителем». Старосты обязывались следить за состоянием кладбищ, чтобы они всегда содержались «благоприлично и в чистоте» [9, с. 3-49].

Традиционный порядок приходской жизни демонстрировал устойчивость. Церковный староста рассматривался в законодательстве как «поверенный

прихода». Его избирали прихожане каждой церкви «для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества» [5, с. 180-181]. В течение всего XIX и в начале XX вв. церковные старосты в основном сохранили свои полномочия. Согласно Уставу духовных консисторий, старост, как и прежде, избирали прихожане. Миряне действовали с согласия причта, а в дальнейшем кандидатуру старосты утверждали благочинный и епископ. Церковная власть не пыталась поставить старосту под жесткий контроль. Совместно с причтом церковный староста мог принять решение о расходовании «церковных сумм» на приобретение необходимых для богослужения предметов, покупку дров для отопления храма, «поддержание в исправности церкви и всех церковных строений» [5, с. 178]. Мирянин, избранный прихожанами на должность старосты в четвертый раз, получал награду за усердное служение интересам Церкви и крестьянского сообщества. Если духовное начальство обнаруживало «значущее приращение церковных доходов», староста получал медаль «для ношения на шее» [1, с. 86]. В 1839 г. мещанин Евсей Карпин пояснил на допросе в суде, что во время нахождения на должности церковного старосты «действительно с согласия всех» продал часть церковного имущества, не востребованного при богослужении и ремонте храма, местным купцам. Такое объяснение было признано вполне удовлетворительным [23, л. 46].

Обширные полномочия старост могли иметь и другой исход: конфликты с духовенством. В 1867 г. уссенский священник доносил епископу, что деятельность местного церковного старосты оказалась малоэффективной. По его вине в церкви возникли «вопиющие нужды»: печи в храме «приходят в ветхое положение». Обращение священника к церковному старосте оказывается безрезультатным: «вместо исправления оных он (староста – *М.П.*) воспрещает топку». Каким-либо образом решить вопрос самостоятельно, в обход старосты, священник не мог. Ему приходилось лишь констатировать плачевное положение: «сии вопиющие нужды лишают нас всякой надежды к отысканию местных средств не только что в настоящее время, но и далеко в

будущее». Развитие событий показало, что местный церковный староста имел собственные взгляды на решение приходских дел и обустройство храмов. Он вовсе не собирался обсуждать их со священником. Совместно с крестьянами староста самовольно, без ведома консистории, разломал числившиеся за приходом часовни, «не учинив предварительно часовенному имуществу надлежащей описи». Затем он из старого храмового здания, «с прибавкою новых деревьев», построил кладбищенскую церковь. Консистории пришлось лишь отметить, что новый храм возведен «хорошо и прочно», а находящиеся в нем иконы «написаны в духе Православной Церкви» [29, л. 18].

В редких случаях священнику удавалось добиться устранения неугодного церковного старосты. В 1862 г. прихожане в присутствии благочинного, отстояв литургию, приступили к избранию церковного старосты на следующие три года. Кандидатуру все знали заранее – крестьянин Тимофей Елин, исполнявший непростые обязанности старосты в течение двадцати лет. Но присутствовавший при избрании священник Казанский, как писал впоследствии староста-неудачник, «стакнулся со своими заединщиками». В результате Т. Елину внезапно пришлось уступить место другому претенденту [18, л. 1].

По данным начала XIX – начала XX вв., церковный староста занимался сбором средств, поступающих от прихожан на нужды храма. В 1830-е гг. во время храмового праздника церковный староста Троицкого прихода Г. Евдокимов собирал арендную плату – «полавочные деньги» с местных торговцев в пользу церкви [31, л. 68]. Согласно закону, в круг обязанностей старосты входил «прием всякого рода сумм, вкладов и приношений», а также «процентов с церковных капиталов, продажа восковых свечей и огарков, ведение прихода-расходных книг, обновление и пополнение ризницы, присмотр за домами, приобретенными церковным иждивением» [5, с. 188]. Все указанные обязанности исполняли и олонецкие старосты. По данным из рапорта священника Волостнаволоцкого прихода, в церковные праздники староста стоял в храме с блюдом в руках. «Добровольные жертвователи» из

числа местных крестьян клали на блюдо «небольшие лепты на благоукрашение храма». В упомянутом приходе существовала и иная традиция. На пасхальной неделе староста «ходит по приходу со свечами, которые и продает, а также некоторые жертвуют и так в пользу церкви». Оба обычая, говорилось далее в цитируемом документе, «очень древни» [27, л. 36]. Старосты постоянно присутствовали на церковных службах, и благочинные не уставали подчеркивать их «исправность». «Многие из них, – писал один из благочинных Олонцкого уезда в 1879 г., – так привержены к храму Божию, что не опускают никакого богослужения даже в будние дни» [24, л. 86, об.].

Вплоть 1917 г. традиционный порядок деятельности церковных старост, их значительная автономия в решении приходских имущественных вопросов сохранялись. Их продолжали избирать прихожане, а местные благочинные и духовенство лишь утверждали решение мирян. Как видно из журнала консистории, на приговоре, составленном крестьянами-избирателями, благочинный делал надпись: «правильность производства выборов свидетельствую» [3, л. 31]. По данным 1902 г. в приходах выработался устойчивый и детализированный порядок избрания церковных старост. Крестьяне, собравшиеся в церкви Сяргозерского прихода, по окончании литургии выслушивали «поучение на выбор церковного старосты», которое произносил священник. Затем зачитывали некоторые параграфы из инструкции церковным старостам, «касающиеся того, каков должен быть староста при церкви». Потом приступали к голосованию, по результатам которого присутствующие подписывали приговор, не допуская «заочных подписей» [28, л. 28].

Выбору предшествовали рекомендации от причта, в которых старосту характеризовали как «доброе православного христианина». Присутствующие при избрании должностные лица волостного правления указывали на отсутствие судимости. Затем прихожане избирали кандидата и подписывали приговор. Права старост и масштабы их компетенции, благодаря позиции епархиальной власти, становились все более значительными. Благочинные

Олонецкой епархии в 1900 г, судя по материалам их съезда, обязывали старост наблюдать за порядком в храме. В материалах съезда предписывалось «поставить в обязанность церковным старостам, как блюстителям внешнего церковного порядка, чтобы они непременно присутствовали в храмах при венчании браков и безчинно ведущих себя удаляли из храма» [6, с. 260]. В описаниях приходских праздников церковные старосты представлены как наиболее уважаемые представители крестьянского сообщества. В повествовании о торжестве в Падмозерском приходе в числе «почетных деревенских должностных лиц» названы церковный староста, волостной старшина и полицейский урядник [15, с. 71].

В конце XIX – начале XX в. церковным старостой Имоченского прихода Лодейнопольского уезда являлся А.Т. Смекалов. Ему удалось сделать немало для благоуукрашения храма. На свои средства он приобрел колокола для церкви, неоднократно закупал церковную утварь (иконы, подсвечники, люстры), построил за свой счет церковную сторожку, отремонтировал дом для священника [11, с. 518]. В д. Габсельге церковный староста Повенецкого Петропавловского собора П.А. Мартынов построил за собственный счет приходской храм [16, с. 665]. В 1914 г. церковный староста Бережнодубровского прихода Пудожского уезда И.Е. Ермолин пожертвовал 100 рублей «на окраску отремонтированной деревянной колокольни» [13, с. 3]. Некоторые старосты за свой счет содержали церковный хор, что не всегда имело положительные последствия для поддержания церковного благолепия. В 1915 г. в епархиальных ведомостях появилась статья, автор которой указывал на диктат со стороны толстосумов. Как оказалось, регент «всецело зависит от церковного старосты». Богач «на свои средства содержит церковный хор и желает, чтобы хор исполнял исключительно то, что ему нравится» [38, с. 235].

Значительными личными денежными средствами располагали далеко не все церковные старосты. Не имея собственных денег, они обращались к прихожанам с настойчивыми просьбами помочь решить материальные вопросы причта. По данным 1901 г., церковный староста Н. Рыков заслужил

благодарность священников Волосовского прихода за то, что «он, как лицо влиятельное в приходе, весьма значительно помог причту исходатайствовать перед прихожанами, несмотря на бедность, 500 рублей наличными деньгами и 100 дерев хорошего лесу на постройку дома для второго священника» [26, л. 5].

Изучение обязанностей церковного старосты показывает, что в отношении церковной власти к приходской автономии наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, имеет место явное стремление епархиальных архиереев ограничить круг компетенции прихожан. С другой стороны, очевидно желание церковной власти использовать эффективные приходские структуры для решения повседневных проблем религиозной жизни. Далек не всегда местная церковная власть и приходское духовенство имели возможность жестко контролировать, а при необходимости и пресекать существующие в приходах старинные традиции. Во многих случаях сохраняющиеся в приходе нормы крестьянского самоуправления становились залогом успешной деятельности самых разных институтов православной церкви: церковных братств, обществ, но прежде всего – приходов.

Список литературы:

1. Александров Н. Сборник церковно-гражданских правил в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: Типография штаба военно-учебных заведений, 1860. 256 с.

2. Высочайшая резолюция на доклад Сената «О бытии псковским церковным вотчинам в ведомстве архиерейском и о выборе в церковные старосты из прихожан» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 9. № 6303. С. 8-9.

3. Журнал Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 112/2293а. Л. 1-31 об.

4. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 288 с.

5. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883. 430 с.

6. Из постановлений благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 260.

7. Именной указ «Об определении священников при церквях на праздные места, о распределении к приходским церквам дворов и о небытии домовым церквам» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 5. № 3171. С. 545–546.

8. Именной указ, объявленный из Синода, «О продаже при церквях восковых свеч старостам церковным, а не посторонним лицам» // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 6. № 3746. С. 362.

9. Инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их, с приложением положений о приходских попечительствах и церковных братствах. Составил протоиерей Иоанн Чижевский. Харьков: Типография окружного штаба, 1883. 111 с.

10. Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в. Вологда: [б.и.], 1990. 156 с.

11. М.С. Алексей Тимофеевич Смекалов (Некролог) // Олонецкие епархиальные ведомости. 106. № 13. С. 518.

12. Матвеева Е.С., Кузнецова Е.В. Становление института церковных старост в иерархии Русской православной церкви (на материалах Орловской

губернии XVIII – начала XX века) // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 127-137.

13. О пожертвованиях, поступивших в церкви Олонецкой епархии в 1914 году // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 1. С. 3.

14. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1980. 204 с.

15. Открытие самостоятельного Падмозерского прихода // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 71.

16. П.И.Щ. Освящение храма в д. Гобсельге // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 35. С. 665.

17. Промемория Олонецкой духовной консистории Петрозаводскому городовому магистрату // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 643. Оп. 1. Д. 15/105. Л. 1 2.

18. Прошение бывшего церковного старосты // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 60/75. Л. 1.

19. Прошение дьячка Афанасия Иванова в Олонецкую духовную консисторию // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 1. Л. 65.

20. Прошение прихожан Ольховской волости Каргопольского уезда церкви Преображения Господня // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 2/20. Л. 1.

21. Прошение священника Нигижемского прихода Ивана Петрова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/3. Л. 8.

22. Протокол допроса дьячков Флорова и Иванова в Олонецкой духовной консистории // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 62. Д. 243. Л. 25.

23. Протокол допроса мещанина Евсея Карпина // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 252/2580. Л. 46.

24. Рапорт благочинного 2 благочиннического округа Олонецкого уезда за 1879 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 85-87.
25. Рапорт прихожан Линдозерского погоста // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 652. Оп. 1. Д. 5/80. Л. 1.
26. Рапорт священника Волосовского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 98/17. Л. 5.
27. Рапорт священника Волостнаволоцкого прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/42. Л. 36-36 об.
28. Рапорт священника Сяргозерского прихода Стефана Громова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. оп. 7. Д. 99/7. Л. 3.
29. Рапорт священника Уссенского прихода благочинному // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 4. Д. 29/10. Л. 18.
30. Рапорт священника Яндомозерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 13.
31. Рапорт церковного старосты Троицкого прихода Г. Евдокимова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14. Д. 35/126. Л. 3.
32. Резолюция епископа Олонецкий и Каргопольский Иоанникия // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 308. Оп. 2. Д. 1/2. Л. 1.
33. Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
34. Спичак А.В. Основные финансово-хозяйственные функции церковных старост и награждение за их выполнение в Тобольской епархии в XIX–начале XX веков // Научный диалог. 2018. № 9. С. 307-317.
35. Указ об исправлении церковных ветхостей // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450. Оп. 1. Д. 701. Л. 228.
36. Указ Олонецкой духовной консистории о деятельности церковных старост // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 155. Л. 5.

37. Указ Олонецкой духовной консистории, объявленный через Пудожское духовное правление // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 4. Д. 27/129. Л. 5.

38. Церковное пение в России вообще, и у нас в Олонии (Несколько слов о его недостатках и об устранении их) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 13. С. 235-237.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.